

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

3

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1939

Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии

(Предварительные итоги археологических работ ИИМК АН СССР и КК АССР в 1938 г.)

I. Земли древнего орошения КК АССР

На правом берегу Аму-Дарьи, к югу от восточных и юго-восточных отрогов гор Султан-Уиздаг, на восток от узкой культурной полосы правого берега реки, расположены так называемые земли древнего орошения Кара-Калпакской республики. Они входят в состав Турткульского и, частью, Шаббазского районов этой республики и являются преддверием Кызыл-Кумской пустыни.

Следы огромных ирригационных каналов вместе с отходящими от них каналами меньших размеров и мелкими распределительными арыками образуют густую оросительную сеть на значительной части свободной от песков пространства такыров (глинистых площадок, образовавшихся от стояния весенних вод).

Поверхность такыров, расположенных в зоне бывшего действия этих оросительных систем, густо покрыта другими следами человеческой деятельности—бесчисленными осколками керамики, среди которых можно встретить то обломки медного предмета, то цельные бронзовые украшения, то наконечники стрел скифского типа, то бусы, то монеты; иногда можно найти фрагменты статуэток, изображающих людей, животных или божества, вырезанные на камне печати, изображающие всадников, реальных или фантастических животных и т. п.

Повсюду мы наталкиваемся на остатки человеческих жилищ. То выступают круги срезанных ветром, когда-то врытых в землю внутри жилищ огромных корчаг—«хумов», то мы видим фундамент разрушенного здания—стены, ограды, двери, то перед нами поднимаются стены укрепленных жилищ или грандиозные развалины больших замков и крепостей. Вплоть до замыкающих горизонт контуров гор тянется эта далеко уходящая панорама непрерывно идущих вдаль развалин.

Земли древнего орошения Кара-Калпакии были известны давно. Большая часть развалин была нанесена на топографические карты еще в период завоевания Хорезма царской Россией. В очерках и записках многих путешественников, побывавших на этой территории, эти развалины неоднократно упоминались¹. Даже в общих географических обзорах Средней Азии этот край отмечался, как край особенно богатый развалинами разнообразных городов, замков, жилищ².

После революции Каракалпацкое правительство и исследовательские организации заинтересовались вопросом о землях древнего орошения Кара-Калпакии с точки зрения их воскрешения и использования вновь для агрикультуры³. Однако до 1937 г. этот район оставался вне поля зрения археологической науки. Когда в 1937 г. МОГАИМК (ныне Московское отделение ИИМК АН СССР) возложил на автора этой статьи руководство работами по археологическому изучению Хорезма, мы остановили свое внимание на землях древнего орошения КК АССР, где можно было рассчитывать с наибольшей вероятностью обнаружить памятники, относящиеся к наиболее древним периодам истории хорезмийской культуры, ибо, согласно прямым указаниям письменных источ-

¹ А. К у н, Культура оазисов низовий Аму-Дарьи. Материалы для статистики Туркестанского края. IV.

² «Россия» под ред. Семенова-Тяньшанского, ч. XIX, стр. 749.

³ М. Г. Д а в и д о в с к и й, Земли древнего орошения Кара-Калпакии и перспективы их освоения. Сб. «Кара-Калпакия», II, стр. 77 сл.

ников, к XIV в. Аму-Дарьинское правобережье почти совершенно запустело¹, а процесс запустения начался гораздо раньше. Во всяком случае, уже к X в. некоторые города правобережной части Хорезмийского оазиса лежали в развалинах и столица древнего Хорезма—Кят—начала приходить в упадок².

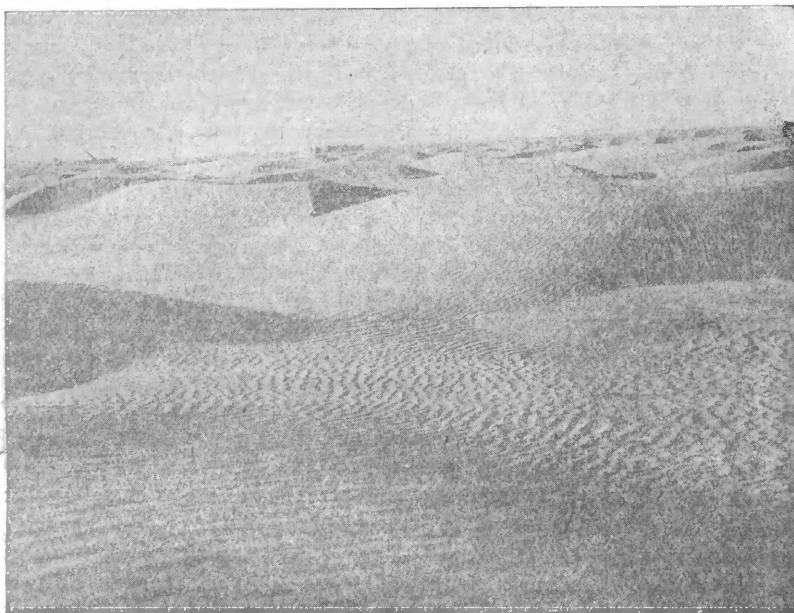

Рис. 1. Ландшафт на окраине Беркут-калинского мертвого оазиса.

В 1937 г. были произведены предварительные археологические разведки земель древнего орошения КК АССР, чтобы подготовить развернутые работы, намеченные на 1938 г. Собранный материал, с одной стороны, впервые ввел в науку домусульманские хорезмийские памятники (главным образом, V—VII вв. н. э.), а с другой стороны, позволил уже поставить и в ряде случаев разрешить целый ряд чрезвычайно важных вопросов древней истории Хорезма и Средней Азии вообще, как мы знаем, достаточно скупо освещенной источниками.

II. Работы экспедиции 1938 г.

В экспедиции 1938 г. помимо ИИМК приняли участие Узбекистанский комитет по изучению и охране памятников материальной культуры (Узкомстарис), Гос. Эрмитаж и Центральный краеведческий музей КК АССР.

Экспедиция работала в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов (ИИМК), научные сотрудники: А. И. Тереножкин (ИИМК), Я. Г. Гулямов (Узкомстарис), архитектор И. Н. Тихомирова (ИИМК, по договору), фотограф Е. А. Поляков (Узкомстарис) и четыре студента-практиканта: тт. Старостин и Вальдман из МГУ и тт. Ибрагимов и Малевич с Высших музейных курсов Наркомпроса РСФСР.

Центральным объектом работ явилась крепость Тешик-Кала, лежащая на южном конце Беркут-калинского мертвого оазиса.

Параллельно с раскопками велось обследование прилегающей территории в радиусе 7—10 км., а также более отдаленных развалин.

¹ «Voyages d'Ibn Batoutah», texte et traduction par Defrémery et Sanguinetti, Paris, 1885, III, p. 19.

² Сам'ани у Бартольда, Туркестан, I (тексты) стр. 53. Ср. показания Истахри (BGA 1,301), Ибн-Хаукаля (BGA, 11,351) и Бируни («Chronologie», 35).

III. Культурные зоны земель древнего орошения КК АССР

Археологические памятники на правобережье Аму-Дарьи располагаются зонально. Самая дальняя дуга крепостей, выдвинутая в глубь Кызыл-кумов, дала наиболее ранние памятники, которые могут быть датированы самое позднее первыми двумя, максимум тремя веками нашей эры (Кой-Крылган-кала, Базар-кала, Джанбас-кала, Кырк-кыз-кала № 1 и 2, Аяз-кала № 1 и 3). Дальше на юг, внутрь этой дуги располагаются памятники более позднего времени, главным образом V—VIII вв., во всяком случае восходящие к домусульманскому периоду, о чем ясно говорит характер нумизматических находок (Уй-кала, Беркут-кала, Тешик-кала, Кум-баскан-кала, Карга-Тышкан-кала).

Еще дальше, к югу и к западу, непосредственно вплотную к нынешней культурной полосе лежит зона памятников раннего мусульманского времени, охватывающих период с IX—X по начало XIII в. Из них отметим Кават-калу, развалины города Наринджана, развалины Кичи-Гульдурсуна и Уллы-Гульдурсуна, обследованные в 1937 г.

Перед нами своеобразная географическая стратиграфия. Передвигаясь из одной зоны в другую, мы как бы переходим из одной эпохи в другую.

В зонах более поздних памятников, конечно, налицо также и остатки культуры более ранних периодов, но эти остатки уже погребены под более поздними наслоениями. Постройки разрушены или покрыты постройками более позднего периода. Только на такырах мы находим отдельные предметы, восходящие к более раннему периоду, указывающие, что и тогда район был уже заселен.

Уже один факт установления хронологических зон показывает, что начиная с IV—V вв. идет процесс сокращения культурной зоны правого берега Аму-Дарьи. Крайняя зона была уже к этому времени оставлена, в сасанидское время сохранялась значительно более узкая культурная полоса, чем в античную эпоху.

После арабского завоевания эта зона еще более сократилась, подойдя вплотную к границам современной культурной полосы. Наконец, монгольское завоевание окончательно уничтожило земледельческую культуру на большей части Аму-Дарьинского правобережья. Только на самом берегу Аму-Дарьи сохранились незначительные очаги земледельческой культуры. Позднее, начиная с XVIII и особенно в XIX в., начинается новый процесс освоения этих земель. Однако до сих пор новая культурная зона не дошла до границ агрикультуры даже домонгольского периода, не говоря уже о сасанидском и античном времени.

IV. Бронзовый век Хорезма

Однако три отмеченные культурные зоны не исчерпывают всех материалов, которыми мы располагаем на территории земель древнего орошения правого берега Аму-Дарьи. Наряду с этими ясно разграниченными историческими зонами, как бы в порах этих зон, присутствует еще четвертая зона.

Во время проводившихся мною, совместно с А. И. Тереножкиным, разведок в песках между Беркут-кала и Наринджаном нами была обнаружена керамика, резко отличная от керамики всех остальных памятников. Керамика эта несет достаточно ясно выраженные признаки, позволяющие датировать ее эпохой бронзового века и, вероятнее всего, концом второго тысячелетия до нашей эры. Эта керамика, слабо обожженная, сделанная без гончарного круга, имеет поверхность, покрытую орнаментом из характерных треугольников и углов, чрезвычайно близко напоминающая керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к так наз. срубной (Поволжье) и Андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет, таким образом, своеобразный вариант бронзового века степной полосы юго-восточной Европы и смежных областей Азии.

Не входя в детали анализа этого материала, нужно сказать, что он позволяет сделать два чрезвычайно существенных исторических заключения. Первое сводится к тому, что бронзовый век правобережного Хорезма примыкает не к бронзовому веку южной

полосы Средней Азии (Анау и сходные с анауской культуры), а к бронзовому веку степной зоны Восточной Европы, Казахстана и Сибири.

Этот факт любопытно сопоставить с данными, которыми мы располагаем для дальнейшей истории Хорезма. Мы знаем, что уже Гутшмид¹ и Бартольд² обратили внимание на известные сведения Арриана³, согласно которым хорезмийский царь Фарасман предлагал Александру Македонскому союз в походе против причерноморских народов. Гутшмид и Бартольд сделали из этого заключение, что Хорезм уже в эту эпоху был связан с юго-восточной Европой, отметив при этом, что и дальнейшая судьба Хорезма говорит об этой связи вплоть до монгольской эпохи, когда Хорезм, вместе с Восточной Европой, входил в состав Золотоордынского государства⁴.

Если добавить, что определение древнехорезмийских монет III—VIII вв. н. э. и серебряных изделий того же времени, сделанное нами в прошлом году,⁵ позволило

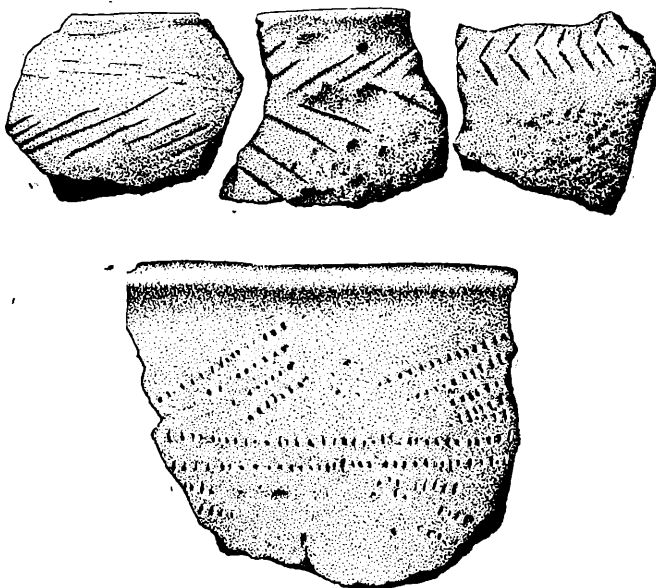

Рис. 2. Образцы керамики бронзового века Хорезма. Стоянка № 1 к западу от Тешик-калы.

установить хорезмийское происхождение значительного количества находок, сделанных в Прикамьи, то эта связь Хорезма с Восточной Европой получает непрерывный характер от бронзы вплоть до монгольского времени.

Второе заключение связано с географическим распространением этой культуры уже в пределах самого Хорезма. Стоянки, с которых нами собран материал, представляли собой небольшие площадки, расположенные между песками, имеющие слабо выраженный культурный слой, который местами выходит на поверхность. Эти стоянки располагаются в одном, двух, иногда трех километрах от древней культурной зоны того, ныне сухого, арыка который орошал район Беркут-калы. Они уходят в глубь пустыни значительно дальше, чем самые удаленные памятники сасанидского и античного времени.

¹ А. Гутшмид, *Geschichte Irans*, Tübingen, 1888, стр. 10.

² Бартольд, *Сведения об Аральском море*, Ташкент, 1902, стр. 2.

³ Арриан, III, 30, 7.

⁴ Вопросы хорезмийского вклада в золотоордынскую культуру освещены в работе А. Ю. Якубовского «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», ИГАИМК, VIII, вып. 2—3, 1931.

Из характера распространения памятников бронзового века есть основание прийти к заключению, что земледелие здесь развивалось иным путем, чем в южной полосе Средней Азии, где оно базировалось на небольших речках, разбивавшихся на орошение в месте их выхода из гор в равнину. Здесь земледелие возникло, вероятнее всего, на базе так наз. каирных земель (т. е. земель, где достаточное количество влаги в почве делает возможным земледелие без дождя и без искусственного орошения), в районе дельты большой реки.

Особый интерес представляет устанавливаемая сравнительно-археологическим путем дата древнейших пока известных земледельческих поселений Хорезма—вторая половина II тысячелетия до н. э. Эту дату нельзя не сопоставить с древнейшей хорезмийской эрой, которую хорезмийский ученый XI в. Ал-Бируни относит к 980 году «до Александра (Македонского)»¹, связывая ее с первоначальной колонизацией Хорезма. Это предание, опирающееся, повидимому, на какие-то генеалогические или астрономические расчеты, содержит, возможно, зерно истины и связано с каким-то существенным сдвигом в социально-экономической истории древнехорезмийских племен.

V. Памятники хорезмийской античности

Перейдем ко второй по времени зоне памятников. Это—зона наиболее удаленных в глубь пустыни развалин. Развалины исключительно хорошо сохранились. Великолепно сохранились стены бойницы, башни и другие оборонительные сооружения. Что касается жилых домов, то они сохранились гораздо хуже, чем в зоне сасанидского времени. С одной стороны, время, повидимому, оказало свое влияние, с другой стороны—сказался и иной тип жилищ, менее укрепленных, чем в сасанидскую эпоху.

Датирующим материалом является, прежде всего, материал керамический. Доминирующей является керамика, сделанная на гончарном круге из хорошо отмученной глины, хорошего обжига, тонкая, красного цвета на изломе, иногда покрытая сверху красной ангобой или красным лаком. Если говорить о форме сосудов, отметим, прежде всего, широкие плоские чаши, имеющие очень характерное донышко в виде небольшого выступающего диска. Отметим далее бокаловидные чаши на высокой ножке и чаши в форме обращенного усеченного конуса, узкие днища которых во множестве находятся на развалинах. Формы кувшинов, мисок, корчаг весьма разнообразны. Корчаги (хумы) имеют характерную закраину в виде круглого в сечении валика. Среди фрагментов хумов многие имеют по светлому фону раскраску красной и черной краской.

Наряду с этой керамикой, чрезвычайно похожей, если не тождественной с керамикой из Айртама близ Термеза, датируемой на основании монетных данных I—II веком н. э., мы встречаем керамику другого типа, более грубую, сделанную без гончарного круга, с грубой серой поверхностью. Среди нее характерны сосуды с высоким прямым горлом, образующим при переходе к тулову резкий перегиб. Характерны также плоские чаши или миски, сделанные более примитивной техникой, чем керамика первого типа. Отметим конические поддоны от котлов из глины, напоминающие поддоны скифских медных котлов.

Мы видим здесь аналогию с культурой сарматоподобного облика из Киргизии и Казахстана. В частности несомненны аналогии с усуньскими могильниками, которые также датируются концом дохристианской и началом христианской эры².

Если выйти за пределы Средней Азии, то керамика первого типа найдет наибольшее количество аналогий с керамикой Причерноморья римского времени. Наряду с этими двумя вариантами керамики мы встречаем на этих памятниках керамику несколько иного типа. Это—крупные сосуды (небольшие корчаги) с резным и окрашенным орнаментом.

На всех этих памятниках найдено ничтожное количество монет в противополож-

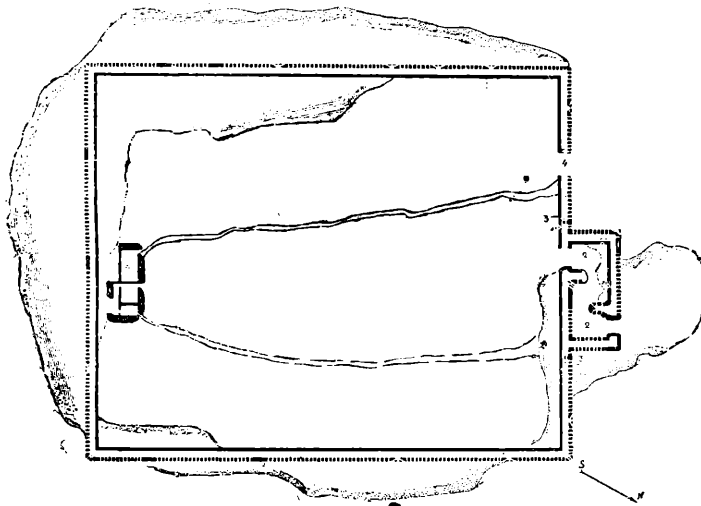
¹ Ал-Бируни, *Chronologie orientalischer Völker*, Hg. v. Dr. C. Ed. Sachau, Lpz., 1923, стр. 356.

² М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, *Усунские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 171, 179.*

ность памятникам сасанидской эпохи, дающим десятки и сотни монет. На одном из селищ с керамикой этого типа (к западу от Беркут-калы) нами найдены две медные кушанские монеты II в. н. э., на другом, близ Ангка-калы—две медные раннехорезмийские монеты с изображением царя в шлеме в виде орла. Серебряные монеты с изображением того же царя имеют наряду с хорезмийской и греческую надпись и датируются нами III в. н. э.¹

Таким образом, все данные позволяют установить I—III вв. н. э. как *terminus ante quem* для этой серии памятников, хотя, по всей вероятности, дальнейшее исследование позволит отнести часть собранного керамического материала к слоям, восходящим к более древнему времени.

Между ними и памятника ми бронзовой эпохи лежит материал нескольких стоянок (также к западу от Беркут-калы), примыкающих ко второму из описанных выше керамических комплексов.

Джанбас-кала Схематический план

Условные обозначения:

- 1 — Тонкая стена
- 2 — Прерывистое сооружение
- 3 — Двойная стена хода во дворе
- 4 — Пролет в стене
- 5 — Лестница подвоя к 2-му ярусу бойниц
- 6 — Развалины дома
- 7 — Арка
- 8 — Бойница
- 9 — Проем бойницы
- 10 — Проем лестницы
- 11 — Проем для стрельбы
- 12 — Тропинка
- 13 — Лестница

Археологическая экспедиция ИИМК 1938 г.

Масштаб 0 20 40 60 м

Рис. 3. Джанбас-кала.

Здесь отсутствуют описанные выше черепки эллинистическо-римского облика. На некоторых, видимо, еще более ранних стоянках мы встречаем сосуды слабого обжига, нередко имеющие по краю незначительную орнаментировку. В этом пока еще очень незначительном материале можно видеть керамику скифского времени (около середины I тысячелетия до н. э.). Это время пока очень слабо освещено памятниками—повидимому, в силу того, что памятники этого времени оказались погребенными под сооружениями эллинистического времени. Однако следует отметить многочисленные находки трехгранных бронзовых стрел скифского типа, говорящие о том, что культурные связи Хорезма с Восточной Европой, установленные нами для предскифского времени, продолжают и в скифскую эпоху.

Переходя к характеристике самих городищ, начнем с одного из наиболее характерных и, по нашему заключению, наиболее древних—крепости Джанбас-кала.

Джанбас-кала является наиболее удаленной на северо-восток крепостью «земель древнего орошения». Она расположена на северо-западном склоне пустынной, вытянутой с северо-запада на юго-восток, плоской возвышенности, замыкающей цепь холмов, тянущихся на юго-восток от Султан-Уиздага.

Поверхность возвышенности покрыта щебнем, галькой, местами песком и редкими порослями колючки.

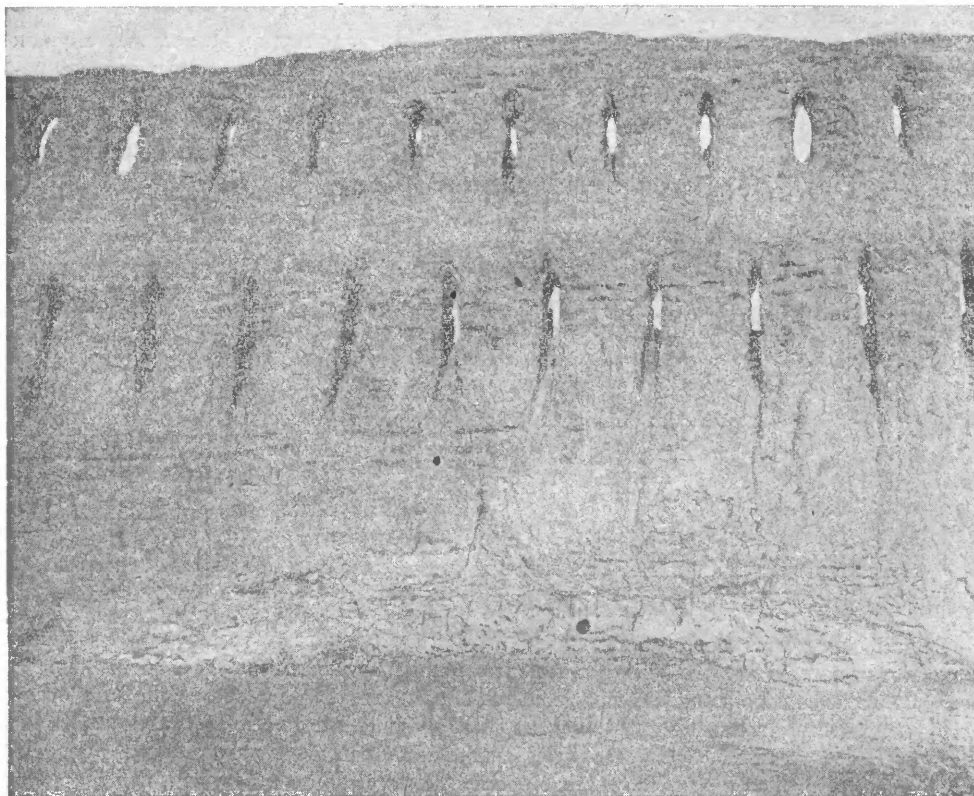
Вокруг стен крепости, на 10—15 м от них,—немногочисленные остатки керамики.

Крепость, образующая прямоугольник 200 × 170 м, ориентирована углами довольно точно по странам света.

Стены крепости, местами закрытые до значительной высоты песчаными барханами, прекрасно сохранились, достигая почти повсюду высоты 9,5—10 м над уровнем окру-

¹ См. нашу работу в ВДИ, 1938, № 4, стр. 127.

жающей поверхности холма. Крепость обнесена сохранившейся на высоту 10—11 м двойной стеной, общей мощностью свыше 5 м. Внешняя стена, мощность которой сильно увеличивается книзу, на уровне верхнего края нижнего ряда бойниц имеет толщину 1,30 м, внутренняя—на том же уровне—около 1 м. Проход между стенами—2,80 м. Нижняя часть как внешней, так и внутренней стены глинобитная, с прослойкой кирпича на высоте 2 м. От уровня бойниц стены сложены из сырцового кирпича с примесью самана размером 40×40×9 см, положенного на глиняном растворе. Внешняя стена

Рис. 4. Джанбас-кала. Часть стены с бойницами.

вся сплошь покрыта узкими и высокими бойницами, расположенными в два ряда, в шахматном порядке.

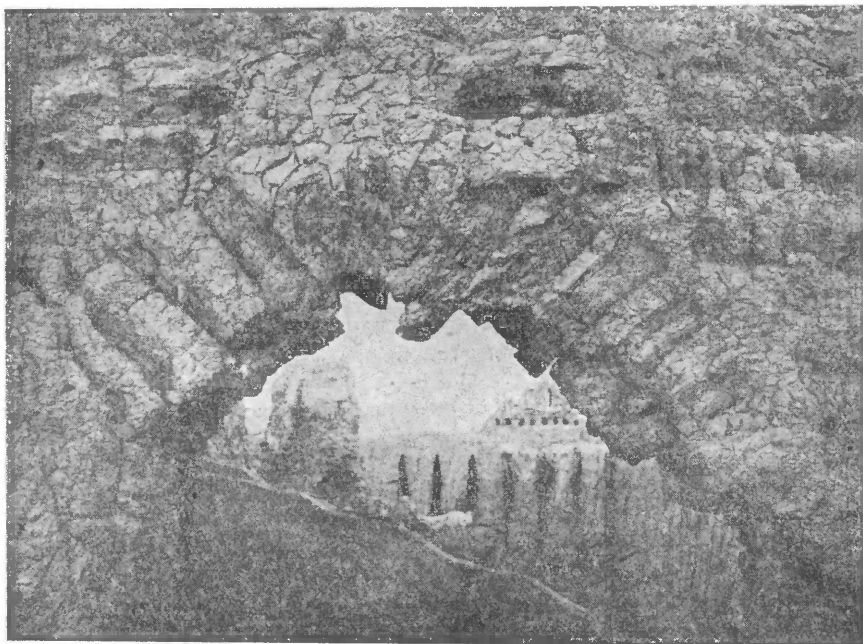
Ширина бойниц 18—20 см, расстояние между ними 1,20 см. Бойницы рассчитаны на «навесный бой»—обстрел подножья стены. Низ бойниц резко спускается кнаружи, и если раствор нижней бойницы внутри не превышает 75 см, то снаружи он достигает двух метров (соответственно—верхние бойницы, имеющие меньшие размеры, дают цифры 0,63 и 1,30 м). Между обоими рядами бойниц внутренний проход стены разделен плоским перекрытием (гнезда от его балок сохранились) на два этажа.

В Аяз-кала № 1 и Базар-кала нижняя часть междустенного прохода представляла собой глухой, перекрытый коробовым сводом коридор. При этом в Аяз-кала № 1 этот ход настолько хорошо сохранился, что и сейчас под сводами можно ходить. В Джанбас-кала основание стены представляет собой сплошной глиняный массив.

Не исключено, что в некоторых из крепостей ранее существовавший проход между стенами у их основания был специально заложен кирпичом (так, повидимому, обстояло дело в Топрак-кале и Кырк-кыз-кале № 2). Возможно, что закладывание (так как на этих двух крепостях можно установить, что мы имеем дело с заложенным

проходом, а не с одним общим массивом стены) было вызвано стратегическими соображениями—стремлением создать мощное основание стен, способное противостоять стенобитным орудиям. Характерной чертой Джанбас-калы, выделяющей ее из всех обследованных нами крепостей, является полное отсутствие башен—как угловых, так и башен вдоль стен. Для флангового поражения наступающего противника использована система косых бойниц, которые располагаются через 20—25 обыкновенных бойниц группами по три бойницы—одна прямая в середине и две косые, обращенные в стороны,—по бокам. Каждую такую группу бойниц мог обслуживать только один стрелок, находившийся в небольшой круглоарочной нише в метр шириной и 85 см глубиной, куда открывались внутренние отверстия всех трех бойниц.

Рис. 5. Джанбас-кала. Вид через арку внутрь предвратного лабиринта.

Углы также защищены системой косых бойниц, расположенных попарно (в одном случае угол защищен одной бойницей).

Ворота защищены сложным сооружением в виде прямоугольного выступа стены (выступление по сравнению с основной стеной—20 м, длина—52 м). Предвратное сооружение прекрасно сохранилось, позволяя полностью восстановить систему обороны ворот. Входивший в эти ворота, расположенные возле северного угла предвратного сооружения, попадал в узкий ход внутри этого сооружения, образующий, благодаря наличию двух вдающихся внутрь прохода башнеобразных выступов, пять изгибающихся под прямым углом колен, со всех сторон обстреливаемых открывающимися внутрь хода бойницами. В двух местах на уровне нижнего ряда бойниц проход внутри стены открывается внутрь коленчатого хода предвратного сооружения круглыми, хорошо сохранившимися арками, вероятно, предназначенными для вылазки во время боя внутри ворот. Третья такая же арка ведет из межстенного хода предвратного сооружения внутрь двора крепости.

В местах, где ход внутри основной стены примыкает к предвратному сооружению, он прегражден поперечными стенками, также с бойницами. В случае взятия стены или ворот бой переносился внутрь стен, и защитники через эти бойницы могли обстреливать захваченный врагом участок.

Поверхность внутреннего двора городища сплошь покрыта буграми разрушенных построек и почти сплошным слоем керамики, настолько густым, что вся поверхность двора имеет красный цвет. Среди керамики встречено большое количество произведений искусства. Большая часть собранных нами статуэток, о которых речь будет ниже, происходит из Джанбас-кала. Возвращаясь к характеристике оборонительных сооружений, мы должны отметить, что система обороны имеет чрезвычайно примитивный характер. Здесь совершенно не использован наиболее рациональный способ фланговой защиты стен при помощи башен. Отсутствие башен вызвало к жизни крайне неэкономную систему бойниц, посаженных на расстоянии метра с небольшим, а если мы учтем два ряда, то и на расстоянии полуметра одна от другой. Для одновременного обслуживания этих бойниц должно быть использовано одновременно около двух тысяч стрелков—цифра громадная для сравнительно небольшой крепости. Совершенно естественно, что столь нерациональный способ расположения бойниц говорит об архаизме этого типа обороны и о его несомненно местном происхождении, ибо система обороны стен и углов при помощи башен на древнем Востоке восходит еще по меньшей мере к XXV в. до н. э. В этой связи стоит упомянуть гипотезу, недавно высказанную Тарном¹, согласно которой до греко-македонского завоевания Средняя Азия якобы не знала укрепленных поселений (за исключением пограничных персидских крепостей). Наш материал, исключая возможность говорить о заимствовании принципов фортификации из античного Средиземноморья, позволяет отвергнуть эту гипотезу.

В этой же историко-культурной зоне мы находим ряд памятников, показывающих процесс постепенного изменения этого типа обороны. Отметим продолжающиеся и в более позднее время попытки усилить оборону стен, не прибегая к башням. Сюда относятся две крепости, основой плана которых является круг. Это—Кой-крылган-кала и Кырк-кыз № 2.

Остановимся на первой из них, являющейся одним из наиболее интересных из обследованных нами памятников.

Кой-крылган-кала расположена на расстоянии около 3,5—4 км к востоку от основного центра наших работ—крепости Тешик-кала. От Беркут-калинского мертвого оазиса, на южной оконечности которого расположена Тешик-кала, Кой-крылган-кала отделена широкой грядой тяжелых барханных песков, являющейся продолжением той песчаной гряды, которая врезается глубоко в современную культурную полосу между арыками Баг-яб и Кельте-минар.

К развалинам примыкает пространство такыров, покрытых многочисленными следами жилищ и огромным количеством керамики. Такыры со следами керамики тянутся, главным образом, на юг и на восток, в обоих направлениях на расстоянии около километра.

Крепость окружена образующей правильный круг стеной, превратившейся в невысокий вал. Стена имела некогда девять башен, расположенных друг от друга через интервалы (по дуге) от 18 до 26 м. Башни превратились в вытянутые бугры, поднимающиеся несколько выше уровня вала.

Центр круга занимает цитадель крепости, стены которой отстоят от внешней кольцевой стены на расстояние (по радиусу) 15 м. Стены цитадели, хотя частью и сильно разрушенные, все же сохранились достаточно, чтобы полностью выяснить первоначальный облик сооружения. Цитадель образует правильный восемнадцатигранник диаметром около 40 м. Каждая грань имела по 5 бойниц обычного для крепостей эллинистического времени типа, расположенных в один ярус, на расстоянии 80 см друг от друга.

Стена из сырового кирпича достигает в наилучше сохранившихся гранях высоты 6,75 см над уровнем площадки внешнего двора крепости, в свою очередь поднимающегося над окружающим такыром на высоту около 0,75 м. Толщина внешней стены—1,10 см, внутренней—1 м, пространство между ними, шириной в 2 м 80 см, разделено поперечными стенками на казематы, по одному на каждую грань.

¹ W. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, стр. 476—477.

В некоторых местах, где завал внутри казематов не достигает большой мощности, прощупывается пол, лежащий на 0,75 м ниже внутреннего нижнего края бойниц. На полу культурный слой, состоящий из золы, коровьего и овечьего навоза и большого количества керамики, достигающий мощности 35—40 см.

Внутренность цитадели образует круглую площадку диаметром в 31 м. Кругом, за исключением небольшого дворика в центре, площадка была, повидимому, застроена располагавшимися по внешней стороне круга жилыми и хозяйственными помещениями. Остатки этих помещений образуют полого спускающийся к центру площадки скат, сплошь покрытый многочисленными остатками керамики—описанных выше чаш с красной ангобой, хумов с прерзным и раскрашенным орнаментом и др.

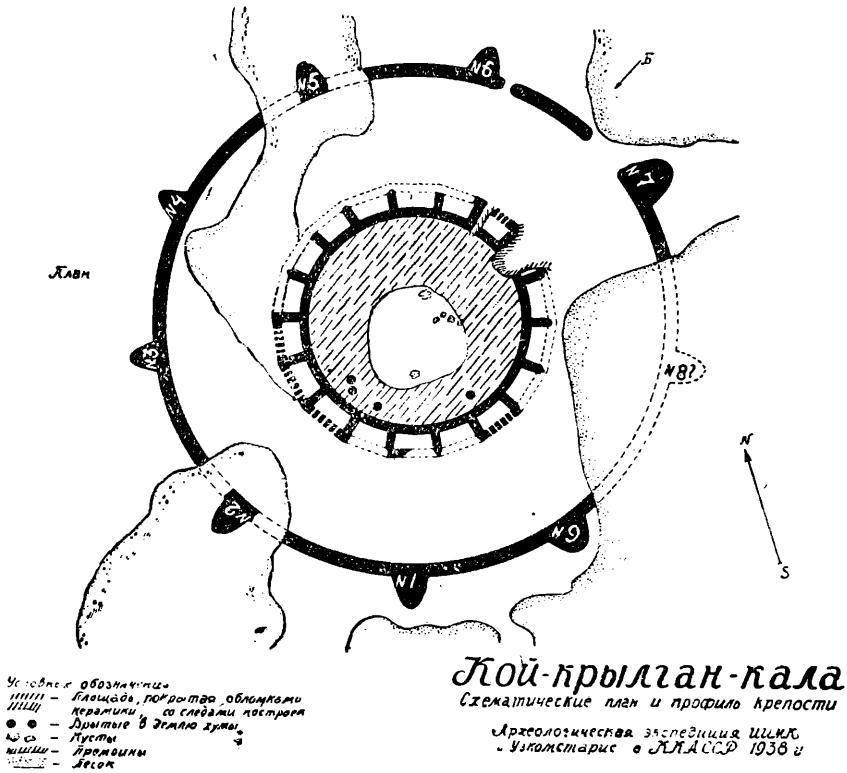

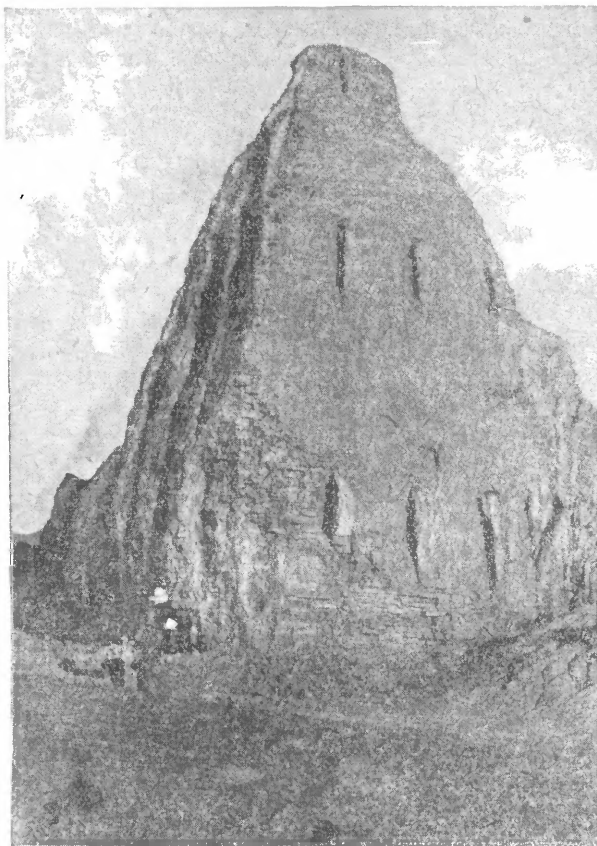
Рис. 6. Кой-крылган-кала.

На других крепостях можно проследить переход от примитивной системы обороны типа Джанбас-калы к более совершенной. В крепости Кургажин-кала мы имеем сразу три варианта обороны углов. Один из углов крепости был защищен косой бойницей. Второй был защищен двумя башнями, придвинутыми почти вплотную (на расстоянии трех метров) к углу, но угол крепости все же выступал между башнями. На третьем углу мы имели две стенные башни, сошедшие уже вплотную. Угол оказался поглощенный этими башнями. Они сомкнулись, образовав в плане фигуру, наподобие «ласточкина хвоста». Особенно хорошо этот тип обороны углов представлен в крепости Аяз-кала № 1.

Этот тип «ласточкина хвоста» достаточно древен, если оперировать масштабами всего древнего Востока. Мы имеем его на плане, лежащем на коленях статуи Гудеи¹,

¹ O. Montelius, Die Aelteren Kulturperioden im Orient und Europa. Stockholm, 1903—1923, стр. 156.

который правил Лагашем в XXV в. до н. э. Мы имеем его также в древнеегипетской фортификационной практике. Он особенно хорошо выражен в развалинах крепости Семене¹. Факт появления этого типа в Хорезме в сравнительно столь позднее время говорит о самостоятельном пути развития хорезмийской фортификации, через много веков после возникновения упомянутых выше памятников Двуречья и Египта, в сходных исторических условиях самостоятельно повторившей путь развития фортификации древнего Востока.

Рис. 7. Кургашин-кала. Средняя башня северо-западной стороны.

Этот тип «ласточкина хвоста» мы встречаем также на двух углах цитадели Базар-кала. Два другие угла защищены башнями, ось которых составляет продолжение диагонали крепости, т. е. башнями, тип которых становится обычным в сасанидское время. Переходным к этому типу является тип угловых башен крепости Ангка-кала, которая заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее.

Ангка-кала расположена примерно в двух километрах к востоку от Кой-крылган-кала, от которой отделена грядой песков. Крепость окружена полосой такыра, покрытого многочисленными остатками керамики, следами жилищ и поселений. Примерно в 200 м к востоку от крепости расположены развалины квадратного дома с превратившимися в вал кирпичными стенами толщиной около 4 м, размеры внутреннего помещения которого равняются 12 × 12 м. К северо-востоку и особенно к северо-западу от крепости расположены следы значительных поселений—сильно разрушенные бугры по-

¹ С. Schuchhardt, Die Burg im Wandel der Weltgeschichte. Leipzig, 1931, стр. 3 (рис. 3), стр. 7 (рис. 7).

строек, сплошь покрытые густым слоем керамики, принадлежащей к описанному выше эллинистическому комплексу, среди которой попадаются терракотовые статуэтки. На развалинах одного дома найдены две медные хорезмийские монеты с изображением царя в орлином шлеме (Wzm'r?), датируемые нами III в. н. э.¹

Как и Кой-крыглан-кала, Ангка-кала отличается от других античных крепостей Хорезма сравнительно небольшими размерами. Она образует правильный квадрат 75×75 м, обнесенный типичной для античных крепостей двойной стеной, сложенной из очень крупного квадратного сырцового кирпича размером 46×46×10 см (иногда кирпичи достигают толщины 15 см). Кирпичи положены на глиняный раствор, прослойка между кирпичами достигает 8 см.

Ворота, открывающиеся посередине юго-восточной стены крепости, защищены с обеих сторон прямоугольными башнями (5×8 м), каждая из которых открывается внутрь ворот одной бойницей.

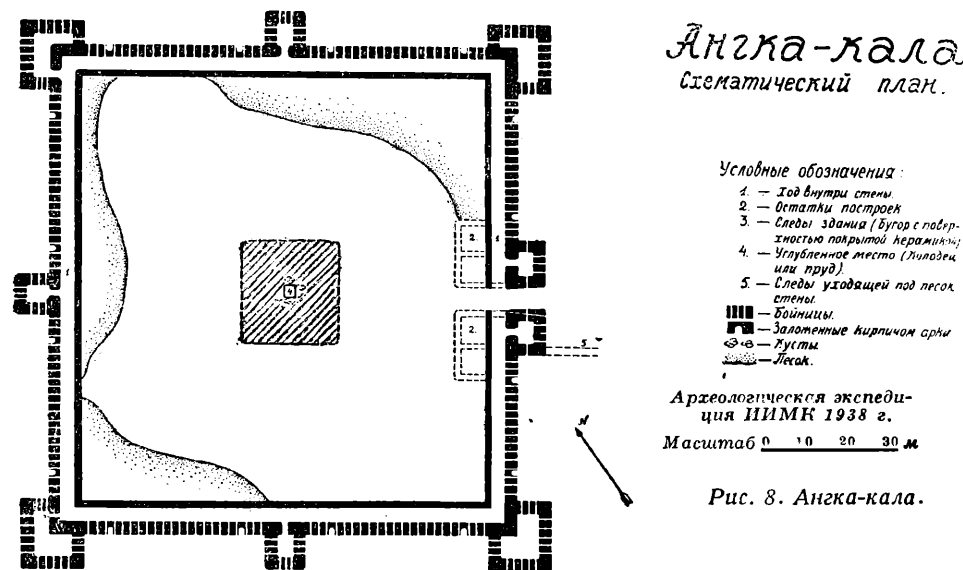

Рис. 8. Ангка-кала.

На каждом из углов расположена квадратная башня, средним размером 11×11 м. План башни крайне своеобразен, резко отличаясь от угловых сооружений всех других крепостей. Башня как бы облекает с двух сторон входящий в нее угол крепости.

Посередине каждой из остальных трех стен располагается одна прямоугольная башня, площадью 5×7 м. Башня, как правило, выше, чем стена. Сохранившаяся высота башен превышает сохранившуюся высоту стен на 1—3 м.

Внешняя стена, имеющая посередине высоты толщину около 2 м, открывается наружу рядом обычных для античных крепостей и описанных нами выше высоких и узких бойниц (внешний раствор 1,90 м, внутренний—1,20 м, ширина—25 м, расстояние между бойницами—1,30 м). Низ бойниц расположен на высоте около 4,30 м над уровнем окружающей земли. Стены сохранились на высоту 7 м.

Характерной деталью системы обороны Ангка-калы является наличие по обоим краям каждого простенка между башнями открывающихся наружу круглоарочных дверей 80 см ширины, расположенных на расстоянии около 4 м от башен. Нижний край арок соответствует нижнему краю бойниц. Все арки заложены кирпичом. Повидимому, они были предназначены для вылазок.

Посередине двора крепости расположен плоский, низкий квадратный бугор 18×18 м, с квадратным же, около 2,5×2,5 м, углублением посередине, вокруг которого расположены группы кустарника. Повидимому—это остатки дома с колодцем или

¹ См. цитированную нами выше статью в ВДИ, 1938, № 4.

прудом посредине. Керамика, гудами лежащая на поверхности этого бугра, по своему типу примыкает к керамике IX—X вв., характерной для развалин ранне-мусульманского времени в окрестностях Наринджана, резко отличаясь от керамики, покрывающей окрестности крепости.

Это говорит о том, что эта крепость, как и некоторые другие, продолжала в какой-то мере использоваться много позднее времени ее постройки и интенсивной жизни в ее окрестностях.

Ряд отмеченных выше отличий от обычного типа античных крепостей, особенно—размеры устройства ворот и тип башен, заставляют видеть в Ангка-кале одно из поздних произведений античной военной архитектуры Хорезма. На это указывают и монетные находки в ее окрестностях, позволяющие—пока условно—датировать ее III—IV вв.

Все эти крепости раннего периода, различаясь между собой системой обороны углов, имеют, во-первых (исключением здесь является лишь Ангка-кала), одинаковую систему обороны входа, во-вторых,—общий тип бойниц, в-третьих,—двойные стены и ход внутри их. Общим для всех крепостей является очень крупный размер кирпи-

Рис. 9. Аяз-кала № 1. Расположение башен.

чей, иногда достигающий до $46 \times 46 \times 15$ см. Слабо применяется—лишь в виде прокладок в основании стен—глинобитная кладка, становящаяся господствующей в сасанидское время. Сырцовый кирпич является основным строительным материалом.

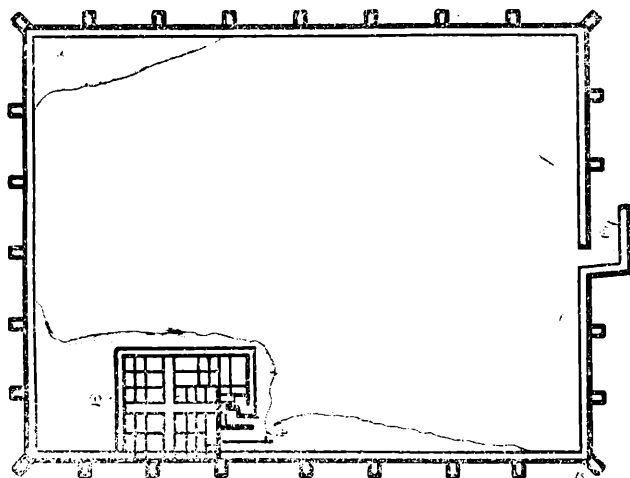
На некоторых крепостях, как мы уже отметили, ниже бойниц идет сводчатый ход внутри толщи стены.

Чтобы закончить характеристику фортификации этой эпохи, укажу, что преобладающим планом башен являются четырехугольные башни, в противоположность круглым или овальным башням сасанидского времени. Исключением из этого правила является лишь крепость Аяз-кала № 1, имеющая крайне часто (на расстоянии 10 м) расположенные полукруглые башни.

Необычно часто расположенные башни, полукруглый их план, необычная для других крепостей античного времени форма предвратного лабиринта (здесь он укреплен по углам и по обе стороны входа башнями)—позволяют предполагать, что в Аяз-кале № 1 мы видим одно из проявлений тех же поисков в области фортификации, которые породили крепости типа Кой-кырган-калы и в конце концов привели к полной ре-

волюции в области крепостных сооружений, с результатом которой познакомимся ниже.

Перейдем к вопросу о жилой архитектуре и характере поселений этой эпохи. Из обследованных городищ раннего времени три—Кырк-кыз-кала, Базар-кала и Топрак-кала—были городами. Это—небольшие городки, квадратные в плане, со стороной в среднем в полкилометра. Площадь этих городков покрыта буграми—остатками жилищ, многочисленной керамикой, многочисленными, большей частью гончарными, частично металлургическими шлаками. Каждый из них имеет, кроме того, занимающую один из углов

Аяз-кала № 3 Схематический план

Условные обозначения:
 ① — Развалины дома
 ② — Квадратное сооружение
 [штрихованная область] — Лесок

Археологическая экспедиция ИИМК 1938 г.

Масштаб 0 20 40 60 м

Рис. 10. Аяз-кала № 3.¹

цитадель—акрополь крепости, со сторонами в 150—200 м (кроме Топрак-калы, цитадель которой иного типа. О ней см. ниже)².

Джанбас-кала представляет также городок меньших размеров или укрепленное поселение. За пределами ее стен следов жилья не сохранилось, но вся площадь внутри покрыта жилищами. Она является укрепленным поселением, в то время как в Кырк-кыз-кала и Базар-кала мы имеем цитадели с примыкающими к ним площадями городов.

При сопоставлении Джанбас- и Базар-калы мы видим как бы два этапа развития городов. В первой—цитадель и город совпадают. Во второй—произошло уже разделение на цитадель и город («шахристан») в собственном смысле, причем, в противоположность Джанбас-калы, следы жилищ на цитадели Базар-калы очень незначительны.

Жилища сохранились плохо, за исключением одного случая—большого жилого дома во дворе сильно разрушившейся крепости Аяз-кала № 3. Внешние стены крепости, крайне деформированные временем, превратились в вал. Но внутри крепости, примыкая к одной из ее стен, располагается крупное здание 60×40 м, представляющее собой большой бугор с плоским верхом, достигающий 3,5 м высоты. Верх этого бугра образует выравненную силами природы площадку, из поверхности которой выступают валики стен, позволяющие почти полностью восстановить планировку дома без его раскопок. Мы видим здесь два коридора, идущие крест-накрест и делящие дом на 4 сек-

¹ Сильная разрушенность стен, затрудняющая выяснение их планировки, заставила нас при рекогносцировочном описании этой крепости ограничиться схематическим наброском. В противоположность остальным крепостям здесь наблюдаются не отмеченные в нашем плане отступления от формы правильного прямоугольника: отклонения углов от прямого и некоторая кривизна стен, особенно северной. Условно дана форма угловых башен, выяснить которую без раскопок не представляется возможным.

² Отметим, что вдоль восточной стены Топрак-калы (с ее внутренней стороны) нами было обнаружено большое кладбище оссуариев характерной для Хорезма формы (в виде небольших прямоугольных глиняных ящиков на ножках, с выпуклыми крышками с круглой ручкой посередине). Большое количество фрагментов аналогичных оссуариев, частью—из алебастра, нами собрано также с развалин близ Беркут-калы.

тора, каждый из которых разбивается на большое количество небольших комнат (всего в доме—свыше 40 комнат).

В окрестностях ряда античных крепостей мы имеем следы разрушившихся жилищ, причем эти жилища всегда группируются в виде крупных поселений. Иногда они тесно примыкают друг к другу, иногда разбросаны на большой площади, но дворы неизменно смыкаются внешними оградами.

Например, в окрестностях Аяз-калы № 3 мы имеем большое количество остатков усадеб, внешними стенами примыкающих к Аяз-кале. Каждая усадьба представляет прямоугольник очень значительных размеров (в одном из обследованных случаев—141×54 м) с гладкой поверхностью двора. У внешней стены группируются надворные постройки, а в середине—развалины небольшого дома (в отмеченном случае—18×11 м).

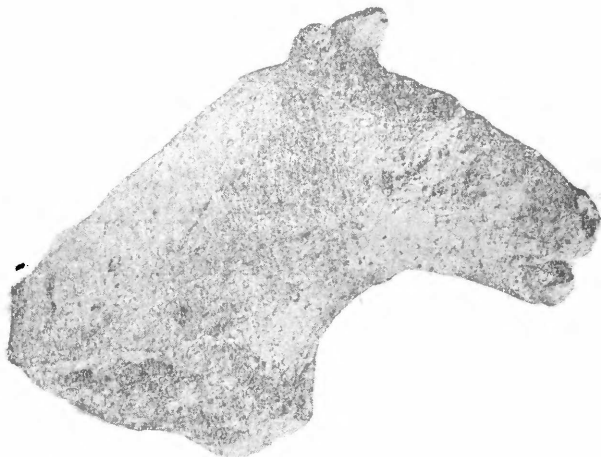

Рис. 11. Голова лошади. Терракота.
Джанбас-кала.

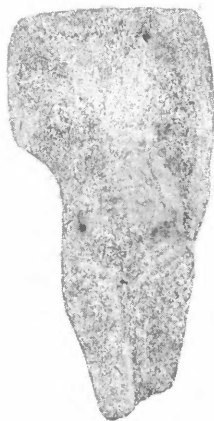

Рис. 12. Мужская статуэтка;
Терракота. Джанбас-кала.

Внешние ограды дворов всегда смыкаются одна с другой, образуя, таким образом, сплошное поселение.

Чтобы покончить с характеристикой материала наших разведок, остановлюсь на памятниках древнехорезмийского искусства первых веков н. э. и, может быть, конца дохристианского периода. Это—многочисленные статуэтки из обожженной глины. Среди них мы встречаем больше всего изображений коней, иногда условных, иногда выполненных с большим художественным реализмом.

Собрано также большое количество человеческих статуэток—изображений мужчин и женщин. Наряду со статуэтками коней найдены статуэтки и других животных, частью реальных, частью фантастических.

По своему стилю эти произведения хорезмийского искусства являются памятниками весьма своеобразной и вполне самостоятельной художественной культуры.

Они далеки от всех знакомых нам типов среднеазиатских терракот. Древнехорезмийская цивилизация породила свой самостоятельный художественный стиль, первые памятники которого стали теперь нам известны.

Если обратиться к деталям этих статуэток и изображений на сосудах, то анализ костюмов позволит прийти к существенным выводам. Мужской костюм на одной из статуэток, некоторыми чертами сближающийся с одеждой древних хорезмийцев и саков на Накши-Рустемских рельефах¹, близко, вместе с тем, напоминает костюм, изображенный на фресках древних городов Синцзяна. Характерен короткий, перетянутый в поясе кафтан с оторочкой по борту и полам, короткие до колен штаны².

¹ F. Sarré und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*. Berlin, 1910, стр. 35—36.

² A. von Le Coq, *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens*, Berlin, 1925, рис. 1, 5 и др.

Женский головной убор, представленный на одной статуэтке, напоминает убор некоторых статуэток ахеменидского времени¹, имеющий вид плоской шапки с наушниками.

Наряду со статуэтками нами собран ряд фрагментов сосудов с рельефными изображениями. На одном (Джанбас-кала)—фигура длиннородого воина в своеобразном шлеме. Сама фигура трактована крайне архаично, напоминая отчасти изображения ахеменидских монет. На двух фрагментах, один из которых найден в Джанбас-кала, а другой—в Кургашин-кала, мы имеем изображения животных. Первый покрыт черной окраской, на которой выступают цветные контуры самого изображения. Мы видим здесь рельефное изображение тигра, ниже которого изображено какое-то травоядное животное, выполненное в совершенно иной манере—в виде плоской гравюры, обведенной тонкой выпуклой линией контура. На фрагменте из Кургашин-кала мы имеем дело с прекрасно выполненным изображением льва.

Во всяком случае мы сейчас, несмотря на разведочный характер работ, располагаем значительным количеством (около сотни) памятников—целых и фрагментарных статуэток и гончарных рельефов, которые позволяют дать хотя бы пока суммарную характеристику изобразительного искусства Хорезма этой эпохи. Несомненно, материал этот обогатится при постановке систематических раскопок памятников хорезмийской античности².

VI. Памятники V—VIII вв. н. э.

Если мы двинемся из крепости Кырк-кыз, лежащей посредине обращенной выпуклостью к северу дуги древних крепостей на юг, перед нами развернется совершенно

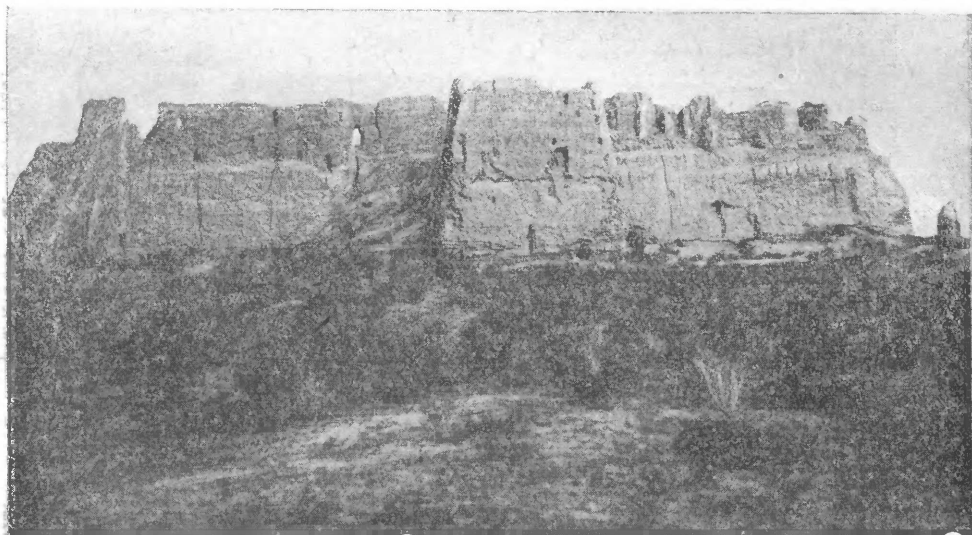

Рис. 13. Кызыл-кала. Общий вид.

иной, чем в предыдущей зоне, культурный ландшафт. Вокруг нас поднимаются бесчисленные укрепленные замки и усадьбы, каждая из которых представляет собой целую крепость с донжоном в центре одной из стен или в середине и с мощной стеной, окружающей надворные постройки.

¹ «Persian Art». An illustrated souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House, London, 1931, 108.

² В настоящее время нами готовится специальная статья о памятниках древнехорезмийского искусства, намеченная к опубликованию в одном из ближайших номеров ВДИ.

Перед нами картина, рисующая общество, характер уклада которого резко изменился по сравнению с тем, что мы имели в предшествующую эпоху. Перед нами памятники, созданные людьми, жившими в постоянном страхе нападения, в эпоху каких-то бурных социальных и межплеменных столкновений.

Наиболее характерную картину хорезмийского расселения эпохи арабского завоевания дает мертвый оазис, в центре которого расположены руины крепости Беркут-кала. Он вытянут узкой (1—2 км) полосой, около 25 км длины вдоль русла большого древнего канала. На севере он тянется почти до самой крепости Кырк-кыз, на юге—до развалин замка Тешик-кала, бывшего основным объектом наших раскопок. Еще южнее, в 2—2,5 км, расположены эффектные развалины замка Кум-баскан-кала

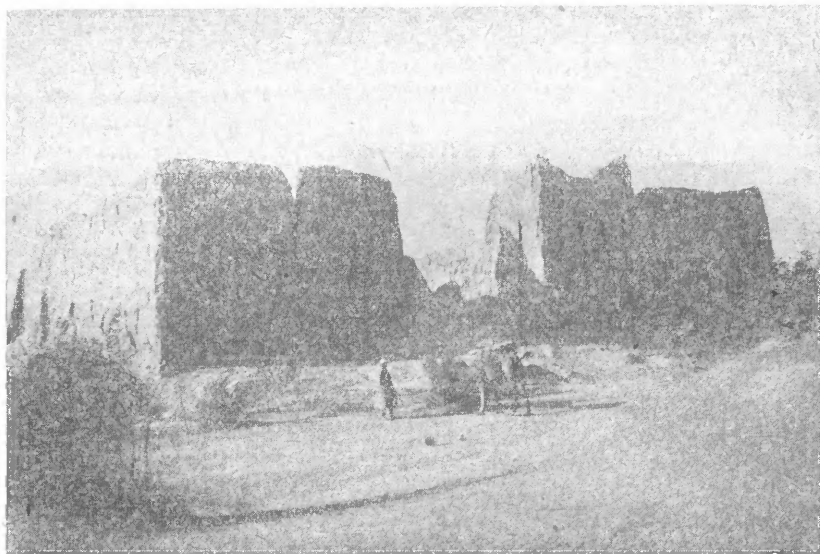

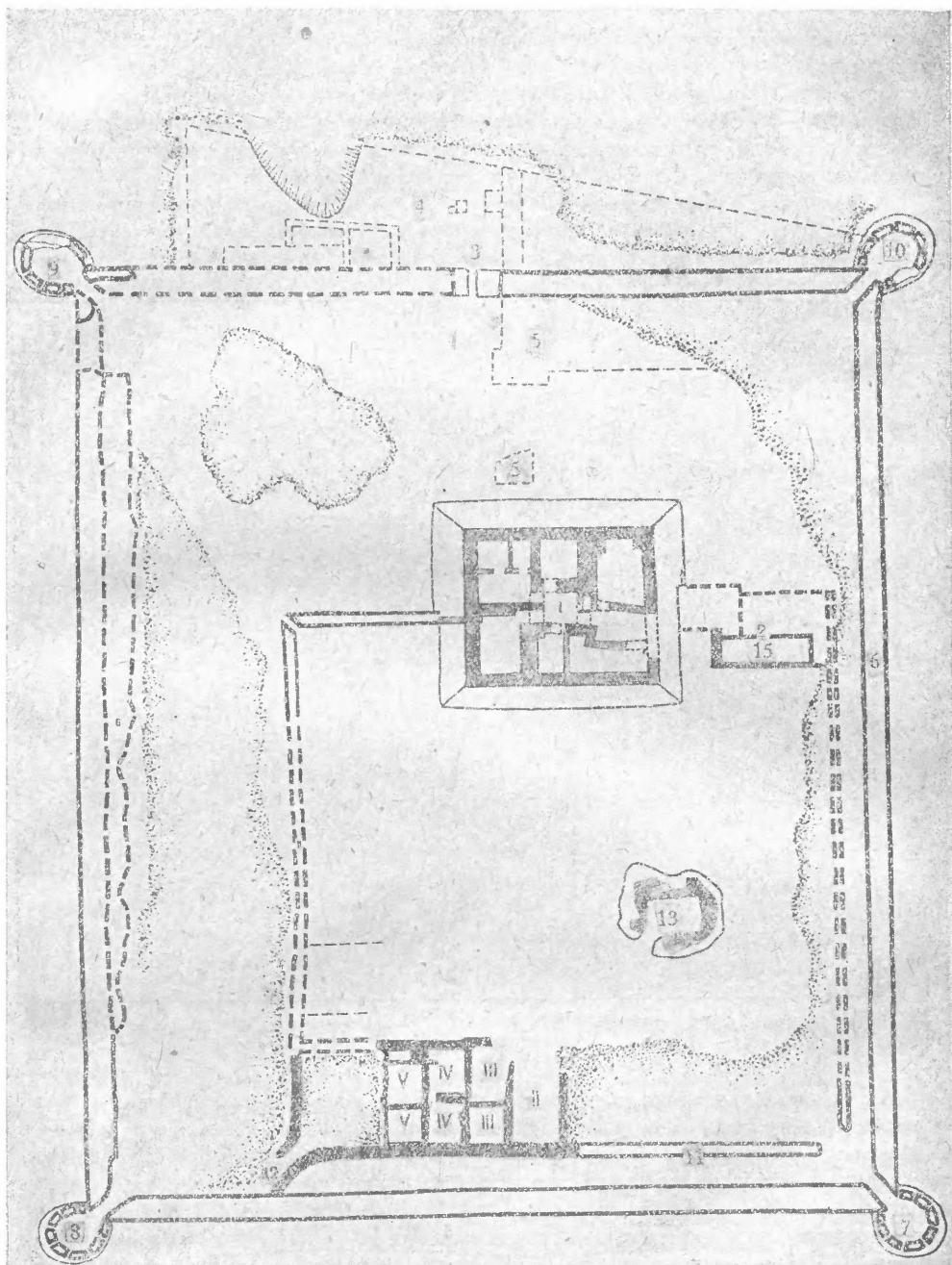
Рис. 14. Беркут-кала. «Замок» № 13.

(в переводе—«засыпанный песком», что вполне соответствует действительности). На площади оазиса разбросано свыше ста укрепленных усадеб различных размеров.

Мы не имеем здесь ни городов, ни деревень в собственном смысле слова. Повсюду поднимаются высокие руины отдельно стоящих на расстоянии 100—200 м одна от другой укрепленных усадеб различных размеров—от грандиозных развалин больших замков (площадь в среднем 100×100 м) до небольших усадеб, площадь двора которых, варьируя около 30—40 м в квадрате, спускается иногда до 10×10 м и даже ниже. Однако все они, несмотря на резкие различия в размерах, характеризуются единым типом планировки.

Средоточие каждой усадьбы составляет жилая башня, донжон, помещения которой подняты на массивном глинобитном цоколе в виде усеченной пирамиды. Размеры усадеб крайне разнообразны. Цоколи донжонов больших замков достигают высоты 6—8 м, высота цоколей донжонов маленьких усадеб колеблется вокруг 3—4 м. Соответственно колеблются и размеры жилого этажа донжонов, форма которого приближается обычно к квадрату, с длиной стороны от 6—7 м.

Структура донжонов варьирует довольно значительно. Повидимому, более древней формой, являющейся переходной от постройки эллинистической эпохи, являются донжоны, цоколь которых состоит из двух параллельных вытянутых помещений, перекрытых коробовыми сводами, по структуре близкими к описанным нами выше для античной эпохи, но отличающимися некоторыми особенностями кладки. Таков донжон раскопанного в 1938 г. А. И. Тереножкиным дома № 34 в окрестностях развалин крепости

1. Жилая башня.
2. Комплекс сооружений при входе в жил. башню.
3. Ворота в замок.
4. Сооружения за внешней стеной.
5. Постройки во внешнем дворе.
6. Наружные стены.
7. Северн.
8. Восточн.
9. Южн.
10. Западн.

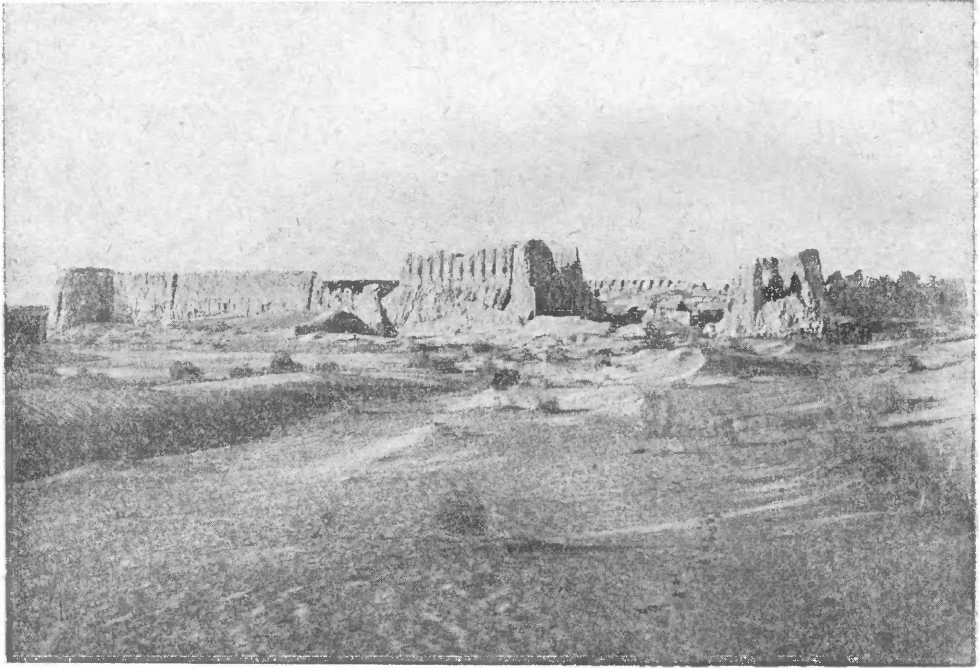
башни наружной стены.

11. Внутренние стены.
  12. Башни наружной стены.
  13. Отдельно стоящее здание во внутреннем дворе.
  14. Ряд помещений у северо-вост. стены от II—V в.
  15. Коридор.
- Масштаб 0 5 10 15 м

Рис. 15. Тешик-кала. Генеральный план.

Беркут-кала и ряд других зданий, обследованных нами в том же районе. К этой же категории зданий, восходя, однако, к более раннему времени, относятся большие замки Кызыл-кала и Кузы-крылган-кала. Оба эти замка представляют собой большие (Кузы-крылган-кала— 30×48 м, Кызыл-кала еще больших размеров) здания, цоколь которых, целиком выложенный из кирпича, представляет собой сложную систему идущих то параллельно, то под прямым углом длинных сводчатых помещений.

Верхний этаж Кузы-крылган-кала разрушен—зато с ним можно было хорошо ознакомиться в Кызыл-кале. Там он образует открытую площадку, своего рода верхний двор, вокруг которого располагаются вдоль стен небольшие помещения, открывающиеся наружу бойницами—значительно меньших размеров и иной формы, чем в античных крепостях.

Рис. 16. Тешик-кала. Общий вид с юга.

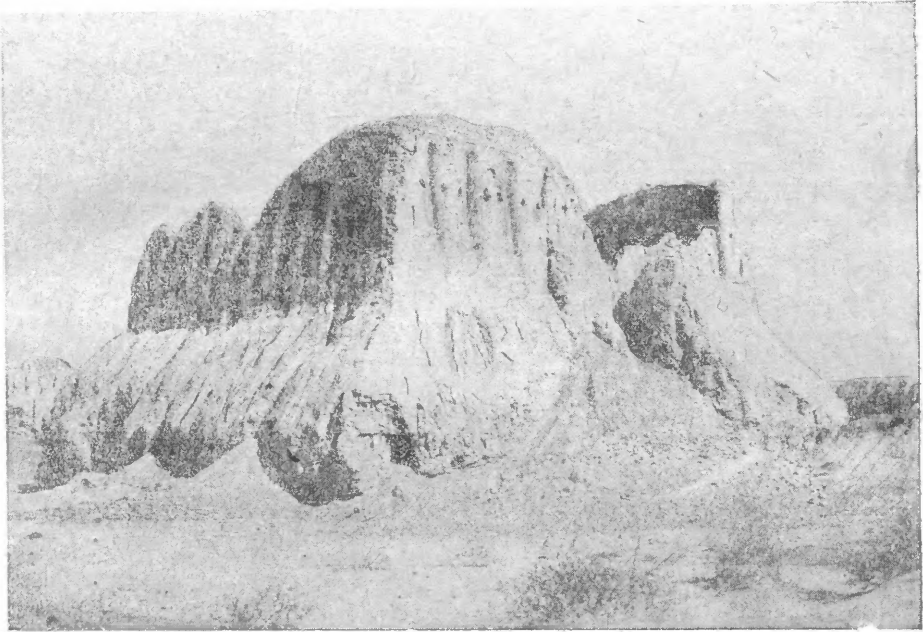
Маленькие замки являлись местом обитания остававшегося еще свободным земледельческого населения Хорезма, жившего большими семьями. Донжоны этих замков служили для этих семей в мирное время прежде всего своеобразными амбарами—местом хранения припасов и воды на случай осады. В этом отношении показательна раскопанная в 1937 г. жилая башня «замка» № 4. Вся площадь башни (около 13 м в квадрате) оказалась разбитой на 3 больших и 2 малых комнаты и загибающийся углом коридор, в который выходили 4 из 5 помещений. В одном из помещений обнаружен очаг, во всех—остатки запасов пищи—пшеницы, сушеной груши, тыквы, хранившихся в закромах или сыпанных кучами, и во всех комнатах, особенно в комнате № 2,—большое количество хумов—огромных кувшинов для хранения воды (в комнате № 2 их оказалось 14). Весьма интересно отметить, что по обе стороны входа в комнату № 4 оказалась сложенная у стены куча комьев глины, на каждом из которых был оттиск печати с изображением сидящего человека.

Мощным объектом наших раскопок явилась Тешик-кала.

Мощной глинобитной стеной с овальными башнями по углам обведена прямоугольная площадь свыше 10 000 кв. м. Стены эти когда-то имели наверху парапет с зубцами,

прикрывающий бойцов. Следы этого парапета сохранились в некоторых местах стены. Тип стены резко отличен от типа стен крепостей античного времени. В отличие от античных крепостей стены целиком (за исключением некоторых участков, отремонтированных при помощи кирпича) выложены при помощи глинобитной кладки. Кирпич для постройки внешних стен крепости, как правило, не употреблялся. Башни овалыные, ось которых составляет продолжение диагонали крепости. Бойницы—невысокие, узкие, не рассчитанные, как античные бойницы, на навесный бой.

Внутри внешней стены расположена вторая стена, более тонкая, чем внешняя, но той же высоты. Учитывая, что эта внутренняя стена отстоит (особенно в северо-восточной части) лишь на несколько метров от внешней стены, с точки зрения фортификации она представляет собой совершенно бесполезное сооружение. Лишь раскопки позволили нам вскрыть историю этой внутренней стены.

Рис. 17. Тешик-кала. Кёшк. Общий вид с юга.

Посредине юго-западной стороны этой внутренней стены располагается донжон, или, если пользоваться древней среднеазиатской терминологией, «кёшк»—жилая башня замка, нижнюю часть которой составляет мощный цоколь—сплошная масса глинобитной кладки в форме усеченной пирамиды. Цоколь имеет высоту со стороны внутреннего двора 6,5 м, а со стороны внешнего двора, расположенного значительно ниже,—8 м.

На выровненной площадке сверху этого цоколя были возведены стены жилых и хозяйственных помещений—жилище владельца замка. Стены сложены из сырцового кирпича меньшего размера, чем кирпич античного времени (35×35×8 см). С внешней стороны эти стены обработаны в виде ряда массивных полукруглых полуколонн, каждая пара которых соединяется сверху полукруглой арочкой. Поверхность каждой полуколонны декорирована тремя ложными бойницами.

Обращаясь к внутренности кёшка, мы начнем наш обзор со стороны входа, расположенного на его северо-западной стороне. Вход остался пока не раскопанным. Он сильно разрушен большой промоиной. Есть основание предполагать (по аналогии с другими замками этого района), что он шел через подъемный мост из расположенной против входа небольшой башенки.

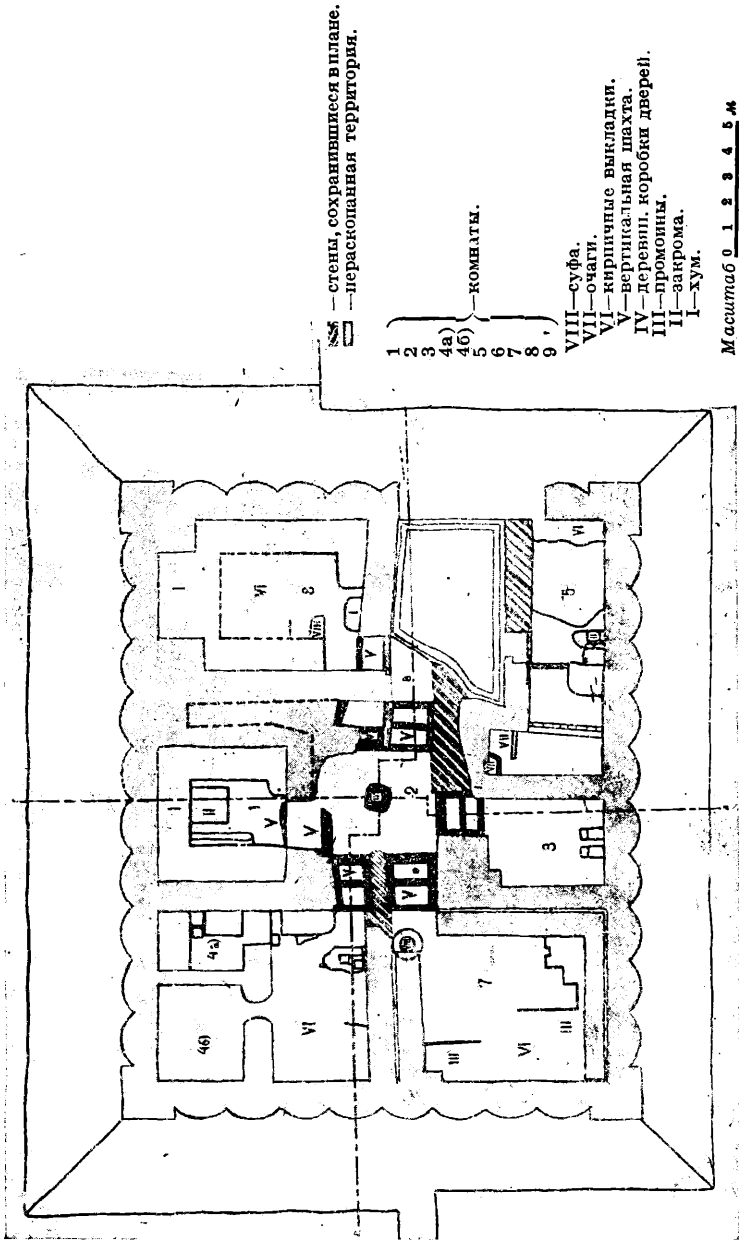

Рис. 18; Тешик-кала, Кешк. План.

Входя в кѣшк, мы попадаем в предвходный коридор. Направо, налево и в конце его открываются двери. Слева расположена комната с кирпичной лежанкой у одной из стен, с двумя кирпичными вымостками посредине внешней стены этой комнаты, между которыми находилась большая мусорная яма.

В углу лежанки располагались два глиняных закрома. Внутри них была найдена мучнистая масса, образцы которой, взятые нами, еще пока не подвергнуты анализу. В целом комната производит впечатление сочетания жилого помещения с хозяйственным хранилищем. Учитывая, что эта комната принадлежит к внешней части замка, можно предполагать, что здесь было помещение слуг владельца замка, нашедшихся на случай осады в пределах самой жилой башни, возможно—помещение охраны кѣшка.

Направо от входа располагалась комната № 8. Это—большая комната, середина которой, к сожалению, разрушена большой промоиной. По стенам, вокруг всей комнаты, идет широкая лежанка. В противоположном входу фасаде комнаты в углах выступают массивные кирпичные быки, образующие нишу, возможно, перекрытую когда-то полукуполом (как мы имеем в отмеченном ниже доме № 50 в окрестностях Тешик-калы).

Вдоль стен комнаты было найдено большое количество обломков глиняных фриз, украшавших верхнюю часть стен. На полу, возле лежанки был найден большой обрывок ковра с орнаментом, вытканном гобеленовой техникой.

По всему своему облику эта комната носит парадный, даже торжественный характер. Вероятно, она являлась парадной приемной комнатой владельца замка.

Из этой комнаты через тройную дверь, нижняя часть коробки которой прекрасно сохранилась, мы попадаем в центральное помещение замка (комната № 2). При расчистке нижних слоев завала, покрывавшего эту комнату, мы обнаружили у дверей, ведущих из этой комнаты, правильно лежащие рядами, поставленные на ребра кирпичи. Анализ расположения этих кирпичей с несомненностью приводит к заключению, что входы в центральное помещение были покрыты небольшими коробовыми сводами, опиравшимися на продолжение стен смежных комнат и выдававшимися, в виде своеобразных порталов, внутрь центрального помещения. Когда это помещение было цело, оно, несомненно, имело эффектный и своеобразный вид.

Посредине центрального помещения был обнаружен колодец—вертикальная шахта, уходящая в глубь цоколя замка, стенки которой выложены сырцовым кирпичом.

Направо и налево от этой комнаты такие же массивные тройные двери ведут в соседние помещения. Налево располагается небольшая вытянутая комната (№ 3), пол которой оказался покрытым слоем навоза. Вероятно, в последний период жизни замка эта комната служила складом топлива.

Другая, противоположная комната, в которую мы попадаем, поднявшись по небольшому пандусу, являлась жилой комнатой владельца замка, по декорировке напоминая описанную мною приемную комнату. Она имела высокую лежанку и открытый, выложенный из сырцового кирпича очаг посередине. Верхняя часть стен была декорирована идущим кругом фризом из сырой глины, который на юго-западной стене прекрасно сохранился. Орнамент фриза состоит из чередующихся, чрезвычайно архаичных по типу, восьмилучевых розеток и пятилистных пальметок. Этот фриз был нами снят и находится в настоящее время в государственном Эрмитаже.

На противоположной от входа стене центрального помещения располагались две двери. Через левую из них мы попадаем в комнату № 7. Это—большая комната, расположенная в восточном углу замка. У входа в эту комнату был расположен врытый в землю огромный хум (глиняная корчага), в котором свободно помещается человек.

По стенам комнаты были обнаружены груды обломков разрушенных хумов. По предварительным подсчетам черепков, корчаг было больше десяти. На полу были найдены зерна растений, в том числе—винограда, громадное количество зерен преса. Корчаги располагались на кирпичной вымостке, шедшей вокруг комнаты. Повидимому, эта комната представляла собой хозяйственное хранилище воды и пищевых запасов.

Правая дверь в передней стене центрального помещения вела также через невысокий пандус в жилое помещение, в комнату № 6, имеющую лежанку справа и выложенный из кирпича очаг слева от входа.

Через эту комнату мы попадаем в две расположенные в южном углу замка комнаты. Одна из них оказалась пустой, а в другой была обнаружена кирпичная вымостка с вмозаннным в нее большим глиняным сосудом. Перед вымосткой располагалось несколько ям. На этой вымостке было найдено большое количество обломков хлеба, выпеченного в виде небольших лепешек. Повидимому, это помещение имело хозяйственное назначение и являлось чем-то вроде кухни или пекарни.

При расчистке комнаты № 6 нам удалось выяснить ряд интересных деталей для истории планировки хорезмийской эпохи. Более ранняя планировка характеризовалась лежанкой, идущей вокруг комнаты, в центре которой находился открытый очаг. Более поздняя планировка, относящаяся к моменту гибели замка, характеризовалась широкими лежанками, расположенными у одной из стен. Только в одной комнате № 8 лежанка в момент гибели замка шла вокруг всей комнаты, сохраняя старый принцип планировки.

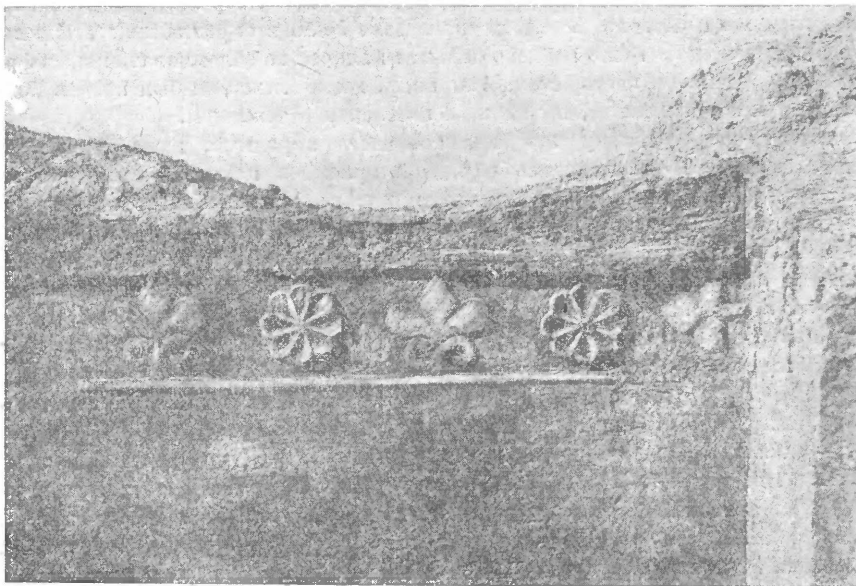

Рис. 19. Тешик-кала. Кёшк. Фриз на юго-западной стене комнаты № 1.

Во время раскопок стен этой комнаты был обнаружен любопытный факт. Три нижних ряда кирпичей северо-восточной стены, давшей сильную осадку в своей средней части, оказались содержащими в швах глиняные шарики небольшого размера, лежащие группами по 3—4 штуки. Эти шарики были только в нижних трех рядах кирпичей и никакой конструктивной роли не играли. В хорошо сохранившейся стене комнаты № 7 таких шариков обнаружено не было.

По гипотезе, выдвинутой одним из наших рабочих-казахов, Серикбаем Оралбаевым, эти шарики были положены сюда с магической целью для предохранения стены от разрушения. Аналогичный способ колдовства при помощи наговоренных шариков, по словам Оралбаева, до недавнего еще времени применялся в казахском быту.

Любопытен самый факт наличия шариков в наиболее пострадавшей стене. Повидимому, строитель не был очень уверен в прочности своего сооружения, возводимого, как мы увидим ниже, над плохо забутованным древним помещением, и прибег в данном случае к помощи колдовства для того, чтобы обезопасить выстроенную стену от оседания в это помещение.

Раскопки внутреннего двора показали, что двор был окружен со всех сторон каррэ-построек, располагавшихся так же, как в средневековых медресе иили караван-сараяе. Вдоль каждой стены шли, подобно «худжрам» медресе, узкие длинные помещения, по-

крытые коробовыми сводами, обращенными торцом внутрь двора. Каждая худжра была разделена на два помещения—переднее и заднее. Некоторые имели хозяйственное назначение. Одна из этих комнат содержала большое количество жерновов, другая была почти сплошь уставлена хумами. Некоторые комнаты имели посредине открытый очаг и по стенам кирпичные нары, такие же, как в комнате № 1 и 6 в кёшке замка.

Большой интерес представляет небольшой, стоящий изолированно домик посредине двора. Он оказался имеющим чрезвычайно мощные кирпичные стены, значительно более толстые, чем во всех остальных помещениях, угловой вход и интересную планировку. Вдоль стен шла канавка, окружающая возвышение посредине, срубленное при позднейшей перепланировке. Это здание, вероятно, являлось своего рода домашней капеллой владельца замка. Уже при раскопках эта планировка заставила нас заподозрить здесь здание культового значения. Результаты раскопок «храма огня» в Шапуре подтвердили это предположение.

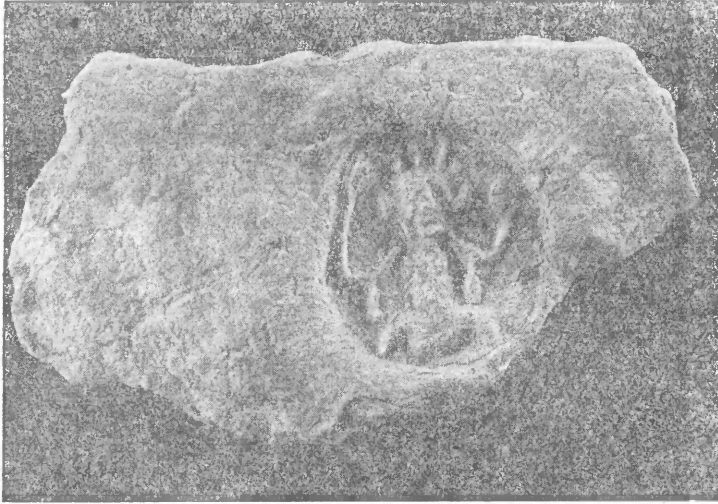

Рис. 20. Четверорукое божество. Оттиск печати на сырой глине. Тешик-кала.

Переходя к находкам, сделанным в Тешик-кале, отмечу прежде всего огромное количество разнообразной керамики, резко отличной от керамики античного времени. Мы встречаем здесь большое количество хумов с характерным венчиком, орнаментированным полосой косых рубцов, большое количество водоносных кувшинов с маленьким дном, выпуклыми стенками и с расширяющейся кверху плоской ручкой. Встречаем большое количество бытовой посуды, среди которой имеется значительный процент посуды, сделанной без гончарного круга.

Затем нами было найдено большое количество мелких обрывков тканей, два фрагмента деревянных гребней, изделия из кости (поясная пряжка, фрагмент гравированной пластинки и др.), детские игрушки, статуэтки барана, медные перстни, бусы.

Найдено огромное количество органических остатков, позволяющих предположить, что и в ту эпоху уже земледелие и скотоводство охватили все те породы растений и животных, которые употребляются и в настоящее время.

Искусство Хорезма этой эпохи было обогащено, с одной стороны, находкой фриза, а с другой стороны—находкой в яме одного из помещений двора трех оттисков больших печатей на глиняных комьях. На двух оттисках находилось изображение четверорукое божества, на третьем оттиске была изображена сцена охоты, причем всадник на чрезвычайно изящно выполненной лошади стреляет из лука в убегающего от него дикого козла. Изображение по тонкости не уступает лучшим изображениям на сасанид-

ских блюдах. Конь по своей трактовке напоминает коня на известном согдийском щите VIII в. из замка Дивастича на горе Муг.

Эти находки имеют двоякое значение. Прежде всего, они подтвердили мою гипотезу о хорезмийском происхождении серебряных чаш Эрмитажа и Британского музея с изображением четверорукого божества¹. Находка изображения четверорукого божества в культурном слое Тешик-калы решает вопрос окончательно в пользу хорезмийского происхождения этих серебряных изделий.

Еще более важен самый факт наличия в хорезмийском пантеоне четверорукого божества, в котором естественнее всего видеть одного из бодисатв. Более точное определение можно будет сделать на основании сравнительного изучения атрибутов этого божества.

Самый факт этой находки говорит о том, что хорезмийская идеология этой эпохи еще в VII—VIII вв. н. э. отражала влияние каких-то индо-буддийских традиций. Эти связи с индо-бактрийским миром были прослежены нами раньше и на нумизматическом материале. Таким образом, наша находка позволяет установить до сих пор неизвестный факт распространения буддизма столь далеко на северо-запад и влияние этой религии на культуру древнего Хорезма².

Когда мы вскрыли обмазку пола в комнате № 7, то под ней открылся старый пол с рядом провалов. Одна из этих ям оказалась наполненной рыхлой глинистой массой, причем, углубившись на полтора метра, расчищавший яму рабочий не мог нащупать ее дна. Когда для выяснения этой загадочной ямы я начал расчищать это место, я обнаружил, что одну из стен ямы образует правильная кирпичная кладка, уходящая в глубь цоколя. Вскоре после этого мы обнаружили, что эта кладка переходит в оштукатуренную глиной и закопченную стену скрытой в цоколе замка комнаты. Раскопки этой комнаты заняли целый месяц. Помещение оказалось сплошь забито плотной глиняной кладкой. Ее пришлось рубить кетменями (местные мотыги) и кирками, соблюдая при этом большую осторожность, так как ни планировка, ни глубина комнаты нам не были известны и было очень легко разрушить те или иные конструкции.

При раскопках на донжоне мы обнаружили внутри цоколя целиком сохранившуюся комнату, углубленную по сравнению с полом верхних комнат почти на 6 м, так что пол ее находился не намного выше уровня внешней поверхности земли. Сохранились не только стены до уровня срубленного при закладке комнаты потолка, но и шедший выше их кирпичный парапет с бойницами. Этот-то парапет, кладка которого выступала на полкирпича внутрь комнаты по сравнению с оштукатуренной стеной комнаты, и был нами обнаружен при расчистке комнаты № 7 и привел нас в нижнее помещение.

Планировка нижнего помещения оказалась своеобразной. Оно имело угловой вход в северном углу в виде широкого и несколько расширяющегося кверху портала.

Юго-восточная стена комнаты плавной линией переходила в юго-западную, образуя вместе с последней полукруглый выступ. Посредине находился прекрасно сохранившийся открытый очаг.

Немногие находки, сделанные на полу, показали, что перед нами комната, относящаяся к той же эпохе, что и верхний замок, но к несколько более раннему времени, ибо керамика отличалась от керамики в верхнем помещении, но не настолько, чтобы предполагать между временем той или другой слишком сильный хронологический разрыв. Против такого разрыва говорила и прекрасная сохранность нижнего помещения, заставляющая считать, что оно было обитаемо вплоть до того времени, когда его владелец нашел нужным его заложить.

Стены нижней комнаты толщиной 80 см были сложены из кирпича, обычного для Тешик-калы размера. Снаружи к ним примыкает глинобитная кладка внешней оболочки цоколя Тешик-калы. Раскопки показали, что это была комната самостоятельного здания, оказавшегося замурованным внутри цоколя позднейшего замка. Стены его были

¹ См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 139—144, рис. 1—4.

² О том же направлении культурных связей говорит найденный нами на развалинах современного Тешик-кале «замка» № 36 фрагмента (передняя часть) с большим реализмом выполненной статуэтки *носорога*.

возведены из кирпича непосредственно на земле или на низком фундаменте. Здание имело полукруглые выступы на углах и плоскую крышу, окруженную парапетом с бойницами.

Раскопки на дворе позволили также выяснить ряд важных фактов истории постройки Тешик-калы—прежде всего вопрос о происхождении внутренних стен двора. Очистка восточного угла двора от песка показала, что *внутренняя стена имела первоначально круглые угловые башни, срубленные при постройке внешней стены. Все данные позволяют предполагать, что внутренняя стена современна замурованному в цоколь кёшка зданию.* Таким образом, перед нами восстанавливается в основных чертах первоначальный план Тешик-калы.

Для датировки замка решающим является нумизматический материал. В комнатах «верхнего замка» и в помещениях на дворе было найдено значительное количество медных монет, принадлежащих только к двум типам. Это—домусульманские хорезмийские монеты, чеканенные двумя правителями. Одни из монет имели изображение царя в зубчатой короне со ступенчатыми зубцами и легенду; тождественную с надписью на реверсе монет шаха Хорезма Шаушафтра, правившего в половине VIII в. В центре реверса находилось изображение всадника, а слева, в поле, включенная в надпись, обычная тамга Афригидов .

Другие монеты имели на одной стороне изображение другого царя, также в короне со ступенчатыми зубцами, но несколько отличной от предыдущей, а на другой стороне, в центре, изображение тамги , окруженной несколькими знаками плохо сохранившейся надписи. Монеты обоих типов примыкают к серии собранных в 1937 г. монет, которую я датировал концом VII и VIII в.

Вся совокупность данных, которыми мы располагаем, заставляет предполагать, что этот замок кончил свое существование в середине VIII в., не пережив или ненадолго пережив арабское завоевание. Наличие монет только двух правителей позволяет говорить о сравнительно ограниченном периоде жизни замка после перестройки, но вместе с тем этот период не мог быть особенно коротким, потому что верхний замок и внешние стены были подвергнуты нескольким перестройкам и ремонтам.

В силу этих соображений наиболее вероятно, что постройка верхнего замка и внешних стен произошла в VII столетии. Вопрос о времени постройки нижнего замка и внутренних стен пока, за отсутствием монетных данных, вряд ли может быть решен с какой-либо определенностью.

Заслуживает серьезнейшего внимания самый факт коренной перестройки замка, самый факт перехода от здания, построенного непосредственно на земле, к зданию на высокой глиняной подушке.

Обследованные в окрестностях Тешик-калы замки сильно обогатили наши знания об архитектурных формах этой эпохи. В замке № 36, в доме № 50, в Кум-баскан-кале и др. нами было открыто значительное количество купольных перекрытий, выложенных, как правило, путем напуска кирпича. Купола в углах опирались на трапецевидные или круглые тромпы.

Особенно эффектно небольшое здание № 50 в окрестностях Тешик-калы.

Три из четырех стен внутреннего помещения этого здания имели глубокие прямоугольные ниши, перекрытые полукуполом на тромпах.

VII. Некоторые вопросы социальной истории древнего Хорезма

Сейчас трудно, конечно, с полной определенностью ответить на вопрос о причинах изменений в типе поселений, построек и фортификационных сооружений древнего Хорезма на протяжении периода, отделяющего III в., к которому относятся позднейшие памятники эллинистического времени, от VIII в., когда прекращают свое существование памятники типа Тешик-калы.

Однако сопоставление наших материалов с имеющимися в распоряжении науки данными по гражданской истории этой эпохи позволяет наметить некоторые пути для решения этого вопроса.

III век н. э. замыкает собой блестящий период гегемонии в Средней Азии могущественной среднеазиатско-индийской державы кушанов. В IV в. ослабленное и сократившееся в размерах Кушанское царство сходит на положение второстепенного государства, неравноправного союзника империи сасанидов, наследники престола которой уже в конце III в. присваивают себе, вместе с кушанскими владениями в Ариане и Бактрии, титул кушаншахов¹.

Мы ничего не знаем о темном периоде IV столетия. Во всяком случае на протяжении этого века процесс упадка и распада Кушанского государства, обусловливаемый, вероятно, не только внешнеполитическими факторами, продолжается.

Одним из проявлений этого распада, вероятно, является начало чеканки монеты хорезмскими правителями, которое мы склонны относить еще к III в. Напомним сведения письма Тансара о том, что уже Ардашир Папакан рассматривал царя Хорезма как подвластного ему государя². Вероятно, уже к первой половине III в. относится начало обособления Хорезма от Кушанской державы, причем очень возможно, что первые самостоятельные цари Хорезма строили свою политику на лавировании между своими могущественными соседями.

Вряд ли случайно врезалось в память потомков имя хорезмшаха Африга, правившего, по Бируни, в начале IV в. н. э., имя, стоящее первым в длинном списке приводимых великим хорезмийским ученым царских имен. Вряд ли случайно это имя ассоциировано в рассказе Бируни, с одной стороны, с преданиями об исключительно жестоком и деспотическом правлении Африга, которого Бируни сопоставляет с «персидским Ездегердом», а с другой—с преданием о постройке этим хорезмшахом огромного замка Фир близ столицы Хорезма—города Кята.

Сопоставление рассказа Бируни с нашими данными позволяет предполагать, что Африг—повидимому, первый вполне самостоятельный правитель Хорезма послекушанского времени—правил в эпоху крупных социальных сдвигов.

Разрушение неподвижного общинного быта деревни, являвшегося пьедесталом рабовладельческой городской цивилизации эллинистического Хорезма, поднимает к власти новые слои господствующего класса—сельского землевладельца-рабовладельца, ослабляя традиционную гегемонию города. Город отступает перед замком, деревня распадается на укрепленные усадьбы оставшегося еще независимым крестьянского населения.

Башня Африга—символ наступления новых отношений.

Нам представляется возможным связывать с первым этапом перехода к новому типу расселения и относить к IV—V вв. н. э. постройку памятников типа Кызыл-калы, Кузы-крылган-калы, Аяз-калы № 2 донжона крепости Топран-кала и других зданий, имеющих цоколь, представляющий систему сводчатых помещений, генетически восходящий к дому типа Аяз-кала № 3—большому многокомнатному зданию, возведенному прямо на земле. Верхний этаж крепостей этого типа еще не является этажом в собственном смысле. Это—площадка плоской кровли здания, окруженная идущими вдоль края казематами с бойницами. Соответственно этому, цоколь также нельзя рассматривать здесь как цоколь в собственном смысле. В сущности это—основная часть постройки.

Трудно со всей определенностью сказать, в каком отношении к этому типу построек стоит нижний замок Тешик-калы—одноэтажное кирпичное здание с плоским перекрытием и окруженное парапетом с бойницами кровлей. Однако приведенное выше хронологическое определение нижнего замка Тешик-калы заставляет здесь видеть одно из проявлений последующей эволюции типа укреплений, возможно, существовавшего параллельно с замками типа № 34, в свою очередь генетически связанного с сооружениями типа Кызыл-калы.

Переход к замкам с массивным цоколем, падающий, если исходить из данных стратиграфии Тешик-калы, на VII столетие, представляет собой второй коренной перелом

¹ К. В. Т р е в е р, Резной аметист из собрания Эрмитажа. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 20.

² «Journal Asiatique», 1894, t. III, p. 210 et 513.

в системе фортификации послекушанского времени. Если общая планировка укрепленной усадьбы остается той же, что и в эпоху нижней Тешик-калы, характер кёшка резко меняется. Внешнее сходство с замками кызыл-калинского типа не может затемнить принципиальную разницу между тем и другим: основная часть здания кызыл-калинского времени превращается в массивную глинобитную подушку. Напротив, кровля здания с боковыми казематами превращается в основное помещение. Жилые помещения замка поднимаются над уровнем земли на 4—8 м.

Перед нами очень важное усовершенствование оборонительной техники: кешк становится недоступным для стенобитных орудий и подкопов.

Так как очень трудно предположить существенные изменения в осадной технике, которые могли бы вызвать ответные улучшения системы обороны, объяснение этого переворота нужно искать вне военно-технической истории в собственном смысле.

Как башня деспота Африга, по характеристике Бируни, может осветить нам проблему изменения типа расселения, так, нам представляется, одно место у Табари может нам помочь разобраться во встающей сейчас перед нами проблеме.

Из описания событий 712 г., когда войска Кутейбы ибн-Муслима оккупировали Хорезм, мы узнаем, что предпосылкой арабского завоевания был глубокий политический кризис государства шахов Хорезма. Вся страна была охвачена гражданской войной. Только незначительная часть правобережного Хорезма, если точно следовать Табари,—одна столица хорезмшахов, город Кят, признавала власть хорезмшаха.

Власть находилась в руках мятежников во главе с братом хорезмшаха Хурразадом и неким «царем Хамджердом», действовавшим на левом берегу Аму-Дарьи.

Здесь, нам кажется, ключ к новому типу укреплений. Народные движения, вероятно, лишь достигшие своей кульминационной точки к началу VIII в., восходят хронологически к более раннему времени (вспомним еще раз восстание Маздака в конце V в. н. э. и движение Абура в 80-х годах VI в.). Жестокая гражданская война—вот первопричина перехода к донжонам с массивным цоколем—высшему достижению оборонительной техники домусульманского Хорезма.

*

Подводя предварительные итоги наших работ, мы можем констатировать, что в результате их мы получаем почти непрерывную шкалу памятников, начиная с бронзового века вплоть до XIII в. С особенной полнотой мы уже сейчас можем проследить развитие фортификации и изменение типа расселения. Особенно важен факт перехода от значительных сельских поселений и многочисленных городов к расселению отдельными усадьбами и замками, начало которого восходит, повидимому, к IV в. н. э. (период падения Кушанской империи).

Мы можем уже наметить, исходя из истории материальной культуры древнего Хорезма, целую цепь фактов, которая увязывается с рядом важнейших вопросов гражданской истории этой эпохи и освещает ряд вопросов истории культурных связей древнего Хорезма с окружающими странами Восточной Европы (Бактрией, Индией, восточным Туркестаном). Мы можем сейчас говорить о том, что крупные изменения фортификационной техники говорят о значительных социальных сдвигах, протекавших на протяжении периода после IV в. вплоть до арабского завоевания, когда процесс обострения социальных и межплеменных отношений достигает своей высшей точки.

Наконец, мы получили данные, позволяющие утверждать, что начиная с IV в. земледельческое хозяйство Хорезма неуклонно идет по пути упадка. Все далее и далее идущий процесс феодализации и сопровождающие его варварские завоевания подготовили упадок земледельческой культуры древнего Хорезма, сокращение культурной полосы, сокращение количества городов и, в конце концов, почти полное запустение этой части оазиса в результате беспрерывных феодальных войн X, XI, XII и XIII вв., окончательно разрушивших древнее ирригационное хозяйство.

С. Толстов